

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2015–2016 учебный год

Региональный этап

ОСНОВНОЙ ВАРИАНТ

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Людмила Улицкая

Гвозди

В то лето, когда родилась сестра Маша, Серёжу решили отправить в деревню – не к дедушке, как отправляли других ребят, а к прадедушке. Прадед жил в далёкой деревне, и добирались они с отцом сложным путём: сначала на поезде, потом на маленьком пароходе, потом долго шли пешком.

Только под вечер добрались они до деревни. По обе стороны неширокой улицы, заросшей низкой пушистой травой, стояли большие серые избы. Некоторые были заколочены. Посреди улицы медленно шли тонконогие кудлатые животные, про которых Серёжа сказал: чудные собачки!

Отец засмеялся:

– Овец не узнал! А вон пастух!

И указал на мальчишку чуть постарше Серёжи, босого и в тёплой шапке. И это тоже было чудно.

Изба, в которой жил прадед, стояла на краю деревни. Когда они вошли, Серёжа замер – у него была книжка русских сказок, в которой всё было точно так нарисовано: с русской печи свисал овчинный тулуп, который надевал сказочный Старик перед тем, как вести свою бедную дочь в лес к Морозко, и даже ухват стоял на том самом месте, что и на картинке. И запах был особенный, на всю жизнь запомнившийся: старой овчины, закваски, яблоч, лошадиной сбруи и другого, незнакомого... запах, которого больше нет на свете...

Две старухи набросились на отца, целовали, плакали, спрашивали. До войны, подростком, он тоже у них гостил.

Поцеловали и Серёжу. Одна старуха была ничего, вторая страшная и очень худая и совсем без зубов.

– Это, Серёга, тётушки мои, Настасья и Анна, – сказал отец, – твоего дедушки сёстры. Так что тебе они вроде бабушки...

«Есть у меня бабушка!» – подумал Серёжа с тоской, сразу вспомнил свою красивую завитую бабушку, мамину мать, которая работала бухгалтером в театре и часто водила его на детские спектакли. Он скривился, но ничего не сказал.

Отец вытаскивал из рюкзака гостинцы – одна бабушка сильно радовалась, а вторая заплакала.

«Наверное, боится, что та все подарки заберёт», – подумал Серёжа и подёргал тихонько отца, хотел сказать, чтоб отец сам разделил, а то худой не достанется. Сергей был человек справедливый и во дворе приучен к честной делёжке. Но отец от него отмахнулся:

– Потом, потом... – и всё вытаскивал свои свёртки.

И тут вошёл прадед. Он был большой и походил на некрасивого медведя. Старухи сразу притихли, а одна из них сказала:

– Батя, вот Виктор приехал, Ивана сын.

Они поцеловались.

– В нашу породу вышел, – глухим голосом сказал прадед, – парнишком-то мелким был.

Серёже показалось, что отец робеет.

Старухи засуетились, поставили на стол большой тёмный хлеб, ложки и зелёный таз, который называли «чашкой».

На Сергея никто внимания не обращал, но скучно ему не было. Он тихонько разглядывал множество незнакомых вещей. Удивительное дело: здесь и знакомые вещи имели какой-то другой, новый вид – ложки были деревянные, а подушки были одеты в красные и цветные наволочки, а не в белые, как дома.

Нестрашная старуха крошила в таз зелёный лук, огурцы и картошку, вторая откуда-то принесла решето с яйцами. Солома торчала из решета – как на картинке про Курочку Рябу...

Пришли трое ребят: две девочки постарше Серёжи и мальчик, по виду ровесник или помоложе.

– Вот твоя компания будет, – сказал отец. – Это твои троюродные.

Их звали Маринка, Нинка и Митька.

Серёжа удивился – он и не знал, что у него столько родни.

Сели за стол. Посреди стола стоял таз с каким-то коричневатым супом, но тарелок не было, только ложки и большой, раскатистый, как пирог, хлеб. Прадед перекрестился и зачерпнул ложкой из общей миски, а за ним и все по очереди.

– Ешь, – шепнул отец. – Это крошка.

Все как-то ловко зачерпывали, ни у кого на стол не капало, даже у Митьки.

Прадед спрашивал отца про завод, про жизнь. Отец отвечал и на Серёжу не глядел. А Серёжа сидел, вертел кусок хлеба и удивлялся, как это они едят из одного тазика.

Вдруг страшная старуха, которую звали Анна, взяла белую глубокую тарелку, налила в неё из общей посуды немного и поставила перед Серёжей:

– Ешь, милочка, ты по-городскому привык, – шепнула она ему беззубым ртом.

Девчонки хихикнули, мальчик фыркнул.

Перед ним стояла белая тарелка – все остальные ели из общей, и неожиданно Серёже это показалось очень обидным. А отец сидел, ел и ничего не замечал. Слезы подкатывали к горлу и готовы были вот-вот потечь.

– Что не ешь-то? Ан не нравится? – спросила старуха.

– Нравится, – прошептал Серёжа.

Слезы сами собой потекли. Он понял, что хочет есть из зелёной миски, как все. Но было уже поздно.

Никто на него не смотрел. Он отодвинул белую тарелку и потянулся к общей миске. Суп был холодный, кислый, и в ложке плавал зелёный лук, которого Серёжа не ел.

Потом поставили на стол большую яичницу и варёную картошку. Это была привычная еда, Сергей поел её. Старуха Анна отвела его спать на другую половину, на большую высокую кровать с разноцветными подушками.

Он лёг и подумал, что ни за что здесь не останется.

Наутро, когда он проснулся, оказалось, что отец уже уехал. Об этом сказала Анна, которую он всё не мог назвать бабушкой. Она дала ему молока, кусок давешнего большого хлеба и велела идти гулять. Ребята уже ушли.

Сергей вышел из избы. Он обошёл её кругом, она оказалась очень большой, с пристройкой, и поодаль ещё стоял сарай. Дверь была открыта, и он заглянул. Там никого не было. Стоял верстак, над ним висели разные инструменты: рубанки, молотки и ещё много разных железных вещей, которым Серёжа не знал названия. Под верстаком стоял ящик. В

нём по гнёздам были разложены гвозди разной величины. Сергей взял средний, длиной с мизинец, взял молоток и стал искать, куда бы его забить.

Он сел у порога, высыпал гвозди кучкой у ног и начал их забивать в порог. Он промахивался, бил по пальцам, гвозди гнулись. Потом дело пошло лучше...

И вдруг почувствовал, что он не один. Рядом с ним стоял прадед и смотрел на него. Серёжа испугался. Ни слова не говоря, прадед взял из рук молоток, несколько гвоздей и ровно и легко всадил их рядом с Серёжиными.

– Рукоять за конец держи, – глухим голосом сказал старик, – а гвоздь так ставь. Бей в один удар! – и Серёжа понял, что он не особенно сердится.

Он взял молоток, как велел старик, и долго ещё вбивал гвозди. Пока весь порог не забил. Потом встал и хотел было идти. Прадед строгал рубанком доску, но тут он отложил рубанок, дал Сергею тяжёлую изогнутую железяку с раздвоенным заострённым концом и сказал:

– Вот гвоздодёр возьми! Теперь вынь гвозди-то! Гвоздь на дело нужен. На что он там?

Серёжа взял гвоздодёр двумя руками... И снова дед встал на колени, отобрал у него гвоздодёр и показал, как надо держать. Пальцы у деда были огромные, руки тёмные, ногти толстые и бурые, как старый картон.

«Такими пальцами можно и без клещей гвозди тащить», – подумал Серёжа.

Он долго пытался подцепить гвоздь, тот не поддавался. С тоской смотрел он на блестящую дорожку шляпок, которые ему предстояло вытянуть. Он понимал, что попался в ловушку. Прадед подошёл, легонько ударил молотком по обушку гвоздодёра, и он плотно обнял шейку гвоздя.

– Нажимай! – сказал прадед, и Сергей двумя руками нажал на рукоять вниз.

Гвоздь, поколебавшись, дрогнул, и полез вверх, и просто-таки выпрыгнул легко и радостно, как будто сам только того и хотел... и только под самый конец пришлось его чуть-чуть поддёрнуть... И явился на свет.

С другим так ловко не получилось – шляпка отлетела. Дед мельком взглянул и сказал своим глухим голосом:

– Гвоздь береги.

Сергей принялся за третий. Прадед дал коробок и велел складывать туда. Так он тягал и тягал, пока не позвали...

После обеда прадед куда-то ушёл, а Серёжа решил спрятаться. Он залез на чердак. Там было пыльно и таинственно, но не вытянутые из порога гвозди томили его, и он слез с

чердака и пошёл в сарай.

Потом опять пришёл прадед, посмотрел на Серёжину работу и ничего не сказал. Пальцы все были побиты и болели, уйти почему-то было невозможно.

«Вбивал пять минут, – сердился неизвестно на кого Сергей, – а вытаскивать сто часов».

До самой темноты он возился с гвоздодёром и клещами и, наконец, все гвозди, гнутые и битые, лежали в коробке. Он отдал коробок прадеду, тот поставил его на верстак и сказал:

– Пошли в избу...

Сергей был собой доволен, хотя прадед его не похвалил.

Наутро он встал рано. Босые девчонки и Митя шлёпали по избе. Сергей застёгивал сандалии и думал, как бы ему за ними увязаться, но тут в избу вошёл прадед и сказал:

– Идём со мной, Сергей.

Сергей удивился, но пошёл.

Прадед повёл его в сарай. Там, на верстаке всё ещё стоял коробок со вчерашними гвоздями. Прадед взял кусок железа размером с книжку, но поуже, положил его на высокий чурбак, вынул двумя пальцами кривой гвоздь и начал по нему легонько постукивать молотком. Гвоздь выпрямился и засверкал свежим блеском.

– Вот так и будешь делать, – сказал прадед.

Сергей обомлел.

«Эта работа на всю жизнь», – подумал он. Взял молоток, слегка тюкнул. Гвоздь повернулся на другой бок. Он крутился с боку на бок, как живой. Сергей промахнулся, ударил по пальцу...

Прадед хмыкнул.

– Легче держи!

И Сергей, сжав губы, чтоб не заплакать, всё тюкал и тюкал... Долго не получалось, а потом вдруг сразу всё сделалось как само собой – гвозди стали послушными.

Когда работа была закончена, он поставил коробок на верстак. Дед взял его и положил в ящик, под верстак, потом распрямился и сказал:

– В курятнике две доски надо поменять. Пошли, поможешь мне...

В то лето Сергей так и не сдружился со своими троюродными. Он ходил за стариком и делал с ним всякую работу: столярную, по дому, на пасеке... Под самый конец лета деду привезли на телеге доски. Струзили возле сарая. Дед долго их оглядывал, кряхтел, качал головой. Потом позвал Сергея – в помощь. Сначала старик долго правил железок рубанка,

потом разводил старую пилу, а когда инструменты приготовил, начал работу... Серёжиной помощи не надо было, но прадед его не отпускал, всё давал поручения... Перед самым Серёжиным отъездом работа была закончена – это был большой длинный ящик с крышкой.

Троюродный брат Митька в последний день спросил:

– А на похороны приедешь?

– На какие похороны? – удивился Серёжа.

– Так прадед помирать собрался, гроб-то на что он строил?

«Вот оно что, деревянный ящик был гроб!» – сообразил наконец Серёжа.

На другой день приехал отец забирать Серёжу. Прадед показал ему гроб в сарае, а отец сказал, что материал очень хороший...

В следующее лето Сергей снова приехал в деревню. Но в это лето было всё по-другому. Он сошёлся со своими троюродными, ходил с ними на речку, в лес за ягодами. В сарай он зашёл только один раз – на верстаке стоял коробок с гвоздями, которые он в то лето правил. А прадеда уже больше не было.

2001

Николай Моршен

Белым по белому

Зима пришла в суровости,

А принесла снежновости.

Всё поле снегом замело,

Белым-бело, мелым-мело,

На поле снеголым-голо,

И над укрытой тропкою,

Над стёжкой неприметною,

Снегладкою, сугробкою,

Почти что беспредметною,

Туды-сюды, сюды-туды

Бегут снегалочьи следы,

Как зимниероглифы,

Снегипетские мифы.

В лесу дубы немногие,
Снеголые, снежные.
Висят на каждой ёлочке
Снеговоздики, снегопочки.
И снеговая сосна
Стоит прямее дротика.
Сугробовая тишина.
Снегرافика. Снеготика.

После 1971

10 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Булат Окуджава

Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова

Это случилось очень давно.

Тогда я был молод, кудряв, легкомыслен и удачлив, и девочки, которым нынче за пятьдесят, кокетничали со мной напрапалую. Однако история, о которой я хочу рассказать, не имеет отношения ни к девочкам, ни к первой любви.

Наверное, как все в этом прекрасном возрасте, я совершал ошибки, и ошибок было много, но лишь теперь осмеливаюсь в них признаться, ибо пролетели годы и наступило время исповедей. Всё встало на свои места, амбиция уже не та, с репутацией всё утряслось. Теперь все обо мне самого хорошего мнения, да и о карьере, как говорится, поздно уже беспокоиться. Короче, как любил повторять один древний мудрец, все меня обожают, а с теми, которым я отвратителен, знакомств не поддерживаю. Теперь наконец пришло время вспомнить себя самого, оценить, покрыться холодным потом и воскликнуть: «Да я ли это

был?! Я ли совершал всё это?!» Когда я появился впервые в той сельской школе, все ахнули: на груди моей сверкал только что возникший в природе университетский значок!

Школа была маленькая, неказистая, в бывшей монастырской трапезной. Место было глухое, отделённое от крупных посёлков. Время было трудное: года четыре, как закончилась война. Дипломированных учителей не хватало. Лишь у двоих были дипломы пединститутков, да и то периферийных, да и то заочных.

И вот в эту школу, в такую-то школу, приехал человек, окончивший столичный университет, фи-ло-лог!

Впрочем, необходимо знать кое-что ещё, прежде чем говорить о главном.

Когда я вернулся с фронта и поступил в университет, меня приняли без экзаменов. Тихое восхищённое «ура» сопровождало меня по университетским коридорам. Улыбки и комплименты обволакивали меня и убаюкивали. Стоило мне, например, заявить, что Гоголь – великий русский писатель, как тотчас раздавались аплодисменты в мою честь. В воздухе висело устойчивое мнение, что если молодой человек воевал, значит он – почти уже филолог. На лекции я ходил редко: всё было как-то некогда. Меня не наказывали. На всех торжественных вечерах я выступал с воспоминаниями о том, как мы воевали, и это шло в зачёт. И главная беда заключалась не в том, что люди, преисполненные радости победы, были чрезмерно снисходительны к одному маленькому представителю победившей армии, а в том, что всё это я принял на свой личный счёт. А как принял, так оно и пошло... Кое-как доучился, кое-как написал дипломную работу: что-то там такое насчёт Маяковского, на сорок страниц, натянул, отделался общими фразами. Передавая работу своему руководителю, имел наглость пошутить: боюсь, что со знаками препинания у меня не всё в порядке... Говоря о моей работе, он сказал, что работа превосходная, только со знаками препинания не всё в порядке. Я понял, что он её не читал. Меня хвалили, поздравляли, что вот, мол, несмотря на бывшее ранение, всё же написал, поработал, использовал множество литературы (библиографический список я катал из энциклопедии). Наконец с дипломом филолога в кармане и с университетским значком на груди, полный, как это говорится, всяческих радужных надежд, выехал я в небольшой областной город. И оказалось, на мою беду, что в этой области я первый человек с университетским образованием. На меня смотрели с интересом и даже с благоговением.

Вот какой человек приехал в область!

Он был молод, кудряв, по тем временам хорошо одет. Он был не то чтобы красив, но симпатичен, и два больших счастливых столичных крыла виднелись за его спиной.

Заведующий облоно пригласил своего зама, и они вместе принялись обсуждать судьбу замечательного гостя. Гость предполагал, что ему поручат по меньшей мере заведование кафедрой в маленьком пединституте этого захудалого городка. Но об этом не было ни слова. Он ждал, что ему предложат быть хотя бы директором самой показательной школы города, но и этого не произошло. Вместо всего этого заведующий облоно сказал, что самое замечательное, если уважаемый филолог отправится в далёкую сельскую школу и поработает там учителем, неся свет в массы и приобщая местных учителей к большой университетской науке.

Тут я возмутился и заявил, что лишь в городе моё место, ибо мне... предстоит серьёзная работа над диссертацией, наполовину уже сделанной, которая без городской библиотеки невозможна...

Должен вам сказать, что мысль о диссертации пришла мне в голову именно в этот трагический момент. Раньше я об этом почему-то не думал. Я посмотрел на моих собеседников с торжеством, но они не отказались от своего намерения. Да я, кричал я, готовил себя к научной работе, а не к учительствованию! Вы понимаете, что вы мне предлагаете? Да мы, кричали они с благоговением, всё понимаем! Мы ведь не в какую-нибудь обыкновенную школу вас направляем!..

Я: Да я ведь фи-ло-лог, а не учительшка какой-нибудь!

Они: Мы гордимся вами! Все вами будут гордиться! Сдалась вам должность рядового учителя в нашем городишке!.. А там – простор.

Я: Но у меня диссертация на выходе!

Они: Какая же тема вашей диссертации?

Я (не колеблясь): Именительный падеж в творчестве Лермонтова!

Они: Чепуха! Там, где вы будете работать, есть темка для диссертации ещё почище.

Я: Я не смогу закончить диссертацию в вашей глуши!

Они: Зато там бывал Лев Толстой!..

Тут наступила тишина.

Я (вяло): Что ему там понадобилось?

Они (торопливо): Там в женском монастыре жила его сестра Мария Николаевна. Он гостил у неё перед кончиной. Вы представляете, какой материал?.. Тайна ухода Толстого в ваших руках!

А что, подумал я, обессилев, можно и вправду об этом... или даже повесть... роман какой-нибудь... Да и этот именительный падеж – ерунда какая-то...

Короче говоря, часа через два всё сладилось, особенно когда при мне заведующий облоно позвонил заведующему району и торжественно объявил, что к ним в район едет учитель с университетским образованием и его надлежит принять хорошо, как следует.

– Не забывайте, – сказал он, – первый в области учитель с университетским дипломом!

Я уселся в маленький переполненный автобусик, потрясся в нём часа три и прибыл в районный центр. Заведующий району, не скрывая радостной улыбки, позвонил директору школы, расписывая меня самыми фантастическими красками. Затем он сам лично проводил меня до шоссе, усадил в кузов случайного попутного колхозного грузовика и пожал мне руку...

Я лежал на мешках с картошкой и думал о себе высокопарно: вот, мол, как всё складывается – я единственный в области учитель с университетским... Как это удивительно звучит, что-то в этом есть, как это всё замечательно; хорошо, что я поступил именно в университет, и теперь... хорошо, что я поступил на филологический, и теперь... теперь наберу материалов о Толстом, напишу роман, и тогда...

Я глядел на случайных, похожих на меня пассажиров и жалел их за то, что они не догадываются, кто возлежит на мешках рядом с ними.

И вот наконец прибыл я в ту самую школу.

Подумать только, учитель с университетским дипломом, фи-ло-лог!

Учителя встретили его дружелюбно, почтительно. Правда, их сначала несколько коробило, что он слишком уж откровенно всё о себе выкладывал, не таился. Но потом привыкли. А он и не думал скрывать, что в учителя попал случайно. Учителем быть, говорит, конечно, благородно, но для этого нужно призвание, а я – филолог, у меня научный склад мышления, мне нужно диссертацию заканчивать... Да и попал я к вам по странной случайности, а может, даже по собственной глупости. Меня с толку сбил ваш областной заведующий. Сочилин или Сучилин – не помню... Тут учителя ахнули: как запросто этот о самом Сочилине говорит! Да как это так он к нему попал?.. А вот так и попал, говорит: открыл дверь, вошёл, сел, подумаешь...

Ну надо же! Сочилин... бог. К районному заву попасть – событие, а тут к Сочилину взял и вошёл! После Сочилина только и есть что министр просвещения, но это уже мираж, фантазия, а Сочилин свой, областной, недостижимый. Учителя его в два-три года раз видели, да и то мельком, да и то издали, а этот, наш-то, взял и вошёл!..

Но всё это были лишь цветики, а ягодки маячили в отдалении. Ещё не настал срок им

созреть, но время – штука стремительная, упаси вас бог не знать этого, как я не знал когда-то.

Начались учебные дни. Учителя говорили мне с подобострастием: счастливы вы! Это ж надо, какие знания, наверное. У вас и методы, наверное, совсем другие... Конечно, говорил я, университет всё-таки, а не что-нибудь. Готовили нас основательно... Вы и планы к урокам, говорили они, какие-нибудь особенные составляете, наверное... Да что вы, говорил я, снисходительно улыбаясь, какие планы?.. Зачем это?.. Как же без планов, ахали они, разве без них можно? Да ведь всё перепутается... Чудаки, смеялся я, да неужели моих университетских знаний не хватает на какой-то там урок в каком-то девятом классе? Стоило ли университет кончать?.. Правда, были и такие учителя, которые восторгов мне не выражали, а тихонько говорили меж собой: подумаешь, университет, университет... Кичлив больно, носятся тут с ним, сами не знают чего...

И вот однажды (следите внимательно) подошёл ко мне кто-то, сейчас уже и не вспомню кто, и предложил мне выступить с лекцией перед колхозниками. Я очень удивился, что ко мне подходят с такими пустяками, но тот просил так почтительно, что отказать было нельзя, тем более что лекция намечалась через месяц. Через месяц, сказал я, другое дело, а то сейчас я работаю над диссертацией, и времени у меня нет, а через месяц, пожалуйста, хотя ума не приложу, что бы такое им рассказать, поймут ли... Да вы, сказал тот, как-нибудь попроще, конечно. Слушать будут, не сомневайтесь. У нас тут кино редко бывает, так что слушать будут, не сомневайтесь.

Маленький затор произошёл при выборе темы лекции (оказывается, её нужно было определить именно сейчас). Чёрт её знает, о чём читать, да и не читал я никогда никаких лекций. Но лицо моё было многозначительно, и глядел я прищурившись в законные дали, и пальцы мои теребили подбородок...

А надо сказать, что перед отъездом в область кто-то подарил мне только что вышедшую книгу «Пушкин в воспоминаниях современников». Я её иногда почитывал. Там были любопытные истории из жизни Пушкина. Там, например, рассказывалось, как юный Пушкин однажды где-то там в кого-то там влюбился и, когда им пренебрегли, в бешенстве пробежал под палящим солнцем длинный путь, как потом оказалось – вёрст четырнадцать, что ли! И ещё там были всякие занимательные истории из жизни поэта. И вот, вспомнив об этой книге, я сказал, что буду читать, пожалуй, лекцию о Пушкине, о его жизни, и называться лекция будет: «Частная жизнь Александра Пушкина».

На том и расстались.

Шло время. Начались дожди. Потом дожди перемешались со снегом. Потом выпал

снег и уже больше не растаял. Иногда на глаза мне попадалась эта проклятая книга «Пушкин в воспоминаниях современников», и тусклое, едва уловимое желание перелистать её страницы овладевало мной, но лишь на одно мгновение. Наконец в один прекрасный день рука моей фортуны почтительно, как мне показалось, постучала в мою дверь, и я не смог уловить в том стуке дружеского предостережения.

Был ясный солнечный морозный день, вернее – исход дня. Солнце клонилось за пригорок, за тот самый, куда мне предстояло ехать, чтобы нести свет в массы. У крыльца стояли колхозные сани. Заиндевшая лошадка перебирала ногами. Возница был бородат и приветлив. Настроение у меня было превосходное. Я казался себе счастливым гусаром. Не было ни страха, ни даже волнения. В извечном поединке меж «слыть» и «быть» верх одерживало первое. О, мой дорогой университетский значок, соединение белого, синего и золотого! Как я любим и почитаем!

Лошадка бежала резво. Страх не было. Замечательная книга покоилась на моих коленях, тяжёленькая, плотненькая такая – источник вдохновения молодого учёного, кладовая успеха, славы... Страх не было.

В большой старой бревенчатой избе размещался колхозный клуб. После шестикилометрового морозного пути было приятно войти в тепло и ощутить на себе почтительные взоры. Страх не было. На лавках сидели мои слушатели. Были старики и дети. Было много молодых людей. Некоторые сидели парами. На нехитрой сцене стоял длинный стол, покрытый красной выцветшей материей. Сияли керосиновые лампы. Справа от стола возвышалось подобие кафедры. Всё как полагается. За столом в одиночестве сидел председатель колхоза. О, мой дорогой университетский... Страх не было.

– Ну вот, – сказал председатель, когда я легко взлетел на подмостки, – сейчас наш дорогой учитель расскажет нам о частной жизни Александра Сергеевича Пушкина. Послушаем внимательно. – И, оборотившись ко мне: – Часика в полтора уложитесь?

– Кто его знает, – улыбнулся я, – во всяком случае, буду стараться.

– Да нет, – сказал он, – время у нас есть: сколько нужно, столько и рассказывайте, это я так...

– Ну, может, с полчаса лишнего прихвачу, – пошутил я. – Не взыщите...

Все заулыбались. Контакт был.

Я встал за кафедру. С одной стороны положил перед собой свои часы, с другой стороны – замечательную книгу с завораживающим заглавием «Пушкин в воспоминаниях современников». Страх не было.

– Пушкин – великий русский поэт! – воскликнул я легко, вдохновенно и страстно.

Все со мной были согласны. Глядели на меня, не отводя глаз, как с семейной фотографии. О, мой дорогой универ...

«Отчего это я трясусь?» – подумал я.

Я с ужасом даже сейчас вспоминаю эту минуту: страх охватил меня, страх, которого я не испытывал даже на фронте: о чём говорить дальше? Как увязать то, что следует увязать? Если бы передо мной лежал хотя бы маленький, ничтожный клочок измятой линованной бумаги и если бы на нём пусть вкривь и вкось, нелепым почерком, неразборчиво было бы написано, набросано, едва угадывалось бы то, что я вычитал когда-то из этой проклятой книги! Но передо мной была наклонная потёртая доска замечательной кафедры, и на ней лежала молчаливая книга, тяжёлая, словно камень на шее. Я посмотрел на часы – прошло полторы минуты... Теряя сознание, я вспомнил самого лучшего нашего университетского профессора. Как легко он читал свои лекции! Как свободно держался! Его эрудиции хватило бы на десятерых лекторов. Он не замечал аудитории, слова лились как стихи.

Я снова посмотрел на часы – прошло полторы минуты.

– Однажды, – сказал я, крепко держась рукой за кафедру, – молодой Пушкин... где-то на юге влюбился... кажется, в цыганку... Она была к нему равнодушна, и он, разозлившись, пробежал по жаре двадцать четыре километра... – слушали меня внимательно, – не метра, а километра...

Стояла тишина. Я вспомнил другого преподавателя университета. Читая лекции, он вальяжно прогуливался перед нами. Иногда даже казалось, что в руке у него – трость, а в петличке – хризантема.

– Двадцать четыре километра! – выкрикнул я. – Представляете?..

Собравшиеся молчали. Я посмотрел на часы – прошло две минуты. Кто-то робко кашлянул... О, если бы он раскашлялся как следует и надолго! Бывает же такая форма кашля, когда всё тело сотрясается, лицо багровеет и грохот стоит необычайный. Или, например, начал бы переговариваться с соседом, сказал бы, например, громко: «Вась, а Вась, чего это он там? Пошли домой...» Тут бы я сказал с насмешкой: «Конечно, слушать о Пушкине – пустая трата времени, лучше завалиться на печь...» Или что-нибудь в этом роде. Но в клубе стояла тишина... А ведь мог здесь оказаться кто-нибудь и выпивший. Взял бы и запел... Тут бы я развёл руками и сказал председателю: «Ну, знаете, в такой обстановке не лекцию о великом поэте читать, а молотилку крутить. Я шесть километров ехал сюда по морозу! Вы думаете, это мне нужно? От диссертации время оторвал...» И быстро-быстро сошёл бы со сцены – и в

двери!

Но в клубе стояла тишина.

– Или, например, такой случай, – сказал я не своим голосом... «Какой случай? Какой случай?» – загудело в голове. Проклятая замечательная книга лежала передо мной, и мои бледные трясущиеся пальцы впились в неё с последней надеждой. Как мог я, идиот, позабыть о ней! Сейчас я загляну в неё, посмотрю туда, быстренько перелистаю, найду... «Какой случай? Какой случай?..» – Или, например, такой случай, – медленно повторил я. – Хорошо известно... – «Что хорошо известно? Что известно?..» Внезапно я наткнулся на имя Натальи Гончаровой. Вспыхнул ослепительный свет. – Пушкин был женат на Наталье Гончаровой! – воскликнул я. – Она была красавица. Перед самой женитьбой он встретился с цыганкой Таней... нет, Стешей... И тут они... – «Что они? Что они?..»

Я посмотрел на часы – прошло четыре минуты.

– Что-то с моими часами, – сказал я председателю.

Он торопливо снял свои и подал их мне. Я положил их рядом со своими. И те, и другие показывали одинаковое время. «Спокойно, – сказал я сам себе. – Сейчас нужно рассказывать, прохаживаясь по сцене», – но рук от кафедры оторвать не смог.

– Одну минуточку, – сказал я, – тут из книжки выпала закладка, и потому... вот сейчас... значит, так... Это замечательная книга... значит, так... таким образом...

Страницы перелистывались сами, в каком-то им одним известном порядке: Данзас, Вяземский, осень в Болдине, царь... Царь!

– Ага, – сказал я с облегчением. – Вы, конечно, все знаете, что царь Пушкина не любил... Но вы, наверное, не знаете, наверное, не знаете... – «Чего не знаете? Чего не знаете?..» – Он сослал его в село Михайловское... нет, сначала он сослал его в Одессу, где губернатором был граф Воронцов. Воронцов Пушкина не любил и послал его на саранчу... Когда саранча собирается в большом количестве... когда саранча собирается в большом количестве...

Я попытался незаметно отвинтить университетский значок, но не смог, хотел перевернуть страницу книги, но книга не открывалась вообще. Я посмотрел на свои часы – прошло семь минут. На часах председателя было то же самое.

«Нужно было составить план, – осенило меня в этом безумии, – и к каждому пункту плана подыскать примеры. Я бы читал и читал без остановки. Подошёл бы ко мне председатель, чтобы напомнить, что время вышло, а из зала крикнули бы: “Пусть читает!”»

Я посмотрел на председателя. Он был задумчив, и все остальные тоже. Может быть,

они думали в этот момент о графе Воронцове, а может быть, о Наталье. Наверное, никто не думал обо мне, никто не подозревал, как я мечтал, чтобы пол под моими ногами развёрзся, чтобы пламя охватило бревенчатый клуб, чтобы кто-нибудь крикнул: «Волки!» – и все бросились бы к окнам, а я сказал бы: «Ну, знаете, в такой обстановке...»

– Может быть, будут какие-нибудь вопросы? – спросил я у председателя как мог спокойно.

– Вы уже закончили? – спросил он без тени удивления.

– Да, пожалуй, и всё, – сказал я, не слыша собственного голоса.

Тогда председатель встал и спросил:

– Какие будут вопросы?

Но вопросов не было.

«Хоть бы они бросились на сцену и убили меня!» – подумал я.

– Ну что ж, – сказал председатель, – раз нет вопросов, давайте его убьём!..

Впрочем, это я так подумал, а он сказал:

– Ну что же, если нет вопросов, давайте поблагодарим товарища учителя, – и заплодировал. Его вяло поддержали. А этот молодой, кудрявый, удачливый, с новёхоньким университетским значком на груди оглядел зал торопливо, по-заячьи, и его молодые губы дрожали, и пальцы не слушались.

Как он очутился на улице, никто не успел заметить. Шестикилометровый обратный путь лежал через овраги и перелески. Было темно. Вьюжило. И он представил, как, окровавленный, подползает к клубу... Он шёл медленно, его покачивало. Внезапно послышался скрип полозьев, и те самые колхозные сани догнали меня.

– Велено домой доставить, – весело сказал бородатый возница, – садись, учитель. Больно ты на ногу скор...

Я уселся в сани и заплакал.

...С тех пор прошло много лет. Тогда я был молод, кудряв и удачлив, и, отвинтив, я бросил в снег своё ромбовидное несчастье, синее, белое и золотое. Быть может, лет через сто учёные его обнаружат и будут долго гадать о судьбе владельца...

Март, 1976

Нонна Слепакова

Рисунок Александра Бенуа к «Медному всаднику»

Понимаю – несчастный безумец □
Что-то вякнул кумиру в сердцах –
И спасается, преобразуясь □
В раскоряченный, сплюснутый страх.

Но зачем триумфатор надменный □
Так спешит затоптать червяка, □
Что скакун задыхается медный, □
Тяжело раздувая бока?

Знать, какое-то общее лихо □
Приковало железным кольцом □
К драной пятке бегущего психа □
Царский взгляд под лавровым венцом.

Знать, бессилье – всесилию ровня: □
Так и сводят друг друга с ума. □
Бег постыдный, постыдная ловля. □
Хорошо хоть – ненастье и тьма.

1984

11 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Исаак Бабель

Ди Грассо

Мне было четырнадцать лет. Я принадлежал к неустрашимому корпусу театральных барышников. Мой хозяин был жулик с всегда прищуренным глазом и шёлковыми громадными усами. Звали его Коля Шварц. Я угодил к нему в тот несчастный год, когда в Одессе прогорела итальянская опера. Послушавшись рецензентов из газеты, импресарио не

выписал на гастроли Ансельми и Тито Руффо и решил ограничиться хорошим ансамблем. Он был наказан за это, он прогорел, а с ним и мы. Для поправки дел нам пообещали Шаляпина, но Шаляпин запросил три тысячи за выход. Вместо него приехал сицилианский трагик ди Грассо с труппой. Их привезли в гостиницу на телегах, набитых детьми, кошками, клетками, в которых прыгали итальянские птицы. Осмотрев этот табор, Коля Шварц сказал:

– Дети, это не товар...

Трагик после приезда отправился с кошёлкой на базар. Вечером – с другой кошёлкой – он явился в театр. На первый спектакль собралось едва ли пятьдесят человек. Мы уступали билеты за полцены, охотников не находилось.

Играли в тот вечер сицилианскую народную драму, историю обыкновенную, как смена дня и ночи. Дочь богатого крестьянина обручилась с пастухом. Она была верна ему до тех пор, пока из города не приехал барчук в бархатном жилете. Разговаривая с приезжим, девушка невпопад хихикала и невпопад замолкала. Слушая их, пастух ворочал головой, как потревоженная птица.

Весь первый акт он прижимался к стенам, куда-то уходил в развевающихся штанах и, возвращаясь, озирался.

– Мёртвое дело, – сказал в антракте Коля Шварц, – это товар для Кременчуга...

Антракт был сделан для того, чтобы дать девушке время созреть для измены. Мы не узнали её во втором действии – она была нетерпима, рассеянна и, торопясь, отдала пастуху обручальное кольцо. Тогда он подвёл её к нищей и раскрашенной статуе святой девы и на сицилианском своём наречии сказал:

– Синьора, – сказал он низким своим голосом и отвернулся, – святая дева хочет, чтобы вы выслушали меня... Джованни, приехавшему из города, святая дева даст столько женщин, сколько он захочет; мне же никто не нужен, кроме вас, синьора... Дева Мария, непорочная наша покровительница, скажет вам то же самое, если вы спросите её, синьора...

Девушка стояла спиной к раскрашенной деревянной статуе. Слушая пастуха, она нетерпеливо топала ногой. На этой земле – о, горе нам! – нет женщины, которая не была бы безумна в те мгновенья, когда решается её судьба... Она остаётся одна в эти мгновения, одна, без девы Марии, и ни о чём не спрашивает у неё...

В третьем действии приехавший из города Джованни встретился со своей судьбой. Он брился у деревенского цирюльника, разбросав на авансцене сильные мужские ноги; под солнцем Сицилии сияли складки его жилета. Сцена представляла из себя ярмарку в деревне. В дальнем углу стоял пастух. Он стоял молча, среди беспечной толпы. Голова его была

опущена, потом он поднял её, и под тяжестью загоревшегося, внимательного его взгляда Джованни задвигался, стал ёрзать в кресле и, оттолкнув цирюльника, вскочил. Срывающимся голосом он потребовал от полицейского, чтобы тот удалил с площади сумрачных подозрительных людей. Пастух – играл его ди Грассо – стоял задумавшись, потом он улыбнулся, поднялся в воздух, перелетел сцену городского театра, опустился на плечи Джованни и, перекусив ему горло, ворча и косясь, стал высасывать из раны кровь.

Джованни рухнул, и занавес, – грозно, бесшумно сдвигаясь, – скрыл от нас убитого и убийцу. Ничего больше не ожидая, мы бросились в Театральный переулок к кассе, которая должна была открыться на следующий день. Впереди всех нёсся Коля Шварц. На рассвете «Одесские новости» сообщили тем немногим, кто был в театре, что они видели самого удивительного актёра столетия.

Ди Грассо в этот свой приезд сыграл у нас «Короля Лира», «Отелло», «Гражданскую смерть», тургеневского «Нахлебника», каждым словом и движением своим утверждая, что в исступлении благородной страсти больше справедливости и надежды, чем в безрадостных правилах мира.

На эти спектакли билеты шли в пять раз выше своей стоимости. Охотясь за барышниками, покупатели находили их в трактире – горланящих, багровых, извергающих безвредное кощунство.

Струя пыльного розового зноя была впущена в Театральный переулок. Лавочники в войлочных шлёпанцах вынесли на улицу зелёные бутылки вина и бочонки с маслинами. В чанах, перед лавками, кипели в пенистой воде макароны, и пар от них таял в далёких небесах. Старухи в мужских штиблетах продавали ракушки и сувениры и с громким криком догоняли колеблющихся покупателей. Богатые евреи с раздвоенными, расчёсанными бородами подъезжали к Северной гостинице и тихонько стучались в комнаты черноволосых толстух с усиками – актрис из труппы ди Грассо. Все были счастливы в Театральном переулке, кроме одного человека, и этот человек был я. Ко мне в эти дни приближалась гибель. С минуты на минуту отец мог хватиться часов, взятых у него без позволения и заложенных у Коли Шварца.

Успев привыкнуть к золотым часам и будучи человеком, пившим по утрам вместо чая бессарабское вино, Коля, получив обратно свои деньги, не мог, однако, решиться вернуть мне часы. Таков был его характер. От него ничем не отличался характер моего отца. Стиснутый этими людьми, я смотрел, как проносятся мимо меня обручи чужого счастья. Мне не оставалось ничего другого, как бежать в Константинополь. Всё уже было сговорено со

вторым механиком парохода «Duke of Kent»*, но перед тем как выйти в море, я решил проститься с ди Грассо. Он в последний раз играл пастуха, которого отделяет от земли непонятная сила. В театр пришли итальянская колония во главе с лысым и стройным консулом, поёживающиеся греки, бородатые экстерны, фанатически уставившиеся в никому невидимую точку, и длиннорукий Уточкин. И даже Коля Шварц привёл с собой жену в фиолетовой шали с бахромой, женщину, годную в гренадёры и длинную, как степь, с мятым, сонливым личиком на краю. Оно было омочено слезами, когда опустился занавес.

– Босьяк, – выходя из театра, сказала она Коле, – теперь ты видишь, что такое любовь...

Тяжело ступая, мадам Шварц шла по Ланжероновской улице; из рыбьих глаз её текли слёзы, на толстых плечах содрогалась шаль с бахромой. Шаркая мужскими ступнями, трясая головой, она оглушительно, на всю улицу, высчитывала женщин, которые хорошо живут со своими мужьями.

– Циленька – называют эти мужья своих жён – золотко, деточка...

Присмиривший Коля шёл рядом с женой и тихонько раздувал шёлковые усы. По привычке я шёл за ними и всхлипывал. Затихнув на мгновение, мадам Шварц услышала мой плач и обернулась.

– Босьяк, – вытаращив рыбьи глаза, сказала она мужу, – пусть я не доживу до хорошего часа, если ты не отдашь мальчику часы...

Коля застыл, раскрыл рот, потом опомнился и, больно ущипнув меня, боком сунул часы.

– Что я имею от него, – безутешно причитал, удаляясь, грубый плачущий голос мадам Шварц, – сегодня животные штуки, завтра животные штуки... Я тебя спрашиваю, босьяк, сколько может ждать женщина?..

Они дошли до угла и повернули на Пушкинскую. Сжимая часы, я остался один и вдруг, с такой ясностью, какой никогда не испытывал до тех пор, увидел уходившие ввысь колонны Думы, освещённую листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней, увидел в первый раз окружавшее меня таким, каким оно было на самом деле, – затихшим и невыразимо прекрасным.

* «Граф Кентский» (англ.).

Я заслужил признательность Италии.
Её народа и её истории,
Её литературы с языком.
Я снегу дал. Бесплатно. Целый ком.

Вагон перевозил военнопленных,
Пленённых на Дону и на Донце,
Некормленных, непоеных военных,
Мечтающих о скоростном конце.

Гуманность по закону, по конвенции
Не применялась в этой интервенции
Ни с той, ни даже с этой стороны,
Она была не для большой войны.
Нет, применялась. Сволочь и подлец,
Начальник эшелона, гад ползучий,
Давал за пару золотых колец
Ведро воды теплушке невезучей.

А я был в форме, я в погонах был
И сохранил, по-видимому, тот пыл,
Что образован чтением Толстого
И Чехова и вовсе не остыл,
А я был с фронта и заехал в тыл
И в качестве решения простого
В теплушку бабу снежную вкатил.

О, римлян взоры чёрные, тоску
С признательностью пополам мешавшие
И долго засыпать потом мешавшие!

А бабу – разобрали по куску.